

УДК 94(470.22)

DOI: 10.15393/j14.art.2016.80

Статья

Ефимова Виктория Викторовна

Петрозаводский государственный университет,
Юридический факультет,
доцент кафедры теории, истории государства и права,
ведущий научный сотрудник Управления научных исследований (ГБТ 653-14),
кандидат юридических наук

Как традиционные общества Олонецкой губернии — «крестьянские миры» — отстаивали свои интересы в 1-й трети XIX в.¹

Аннотация. До сих пор бытует мнение, что крестьянство в Российской империи особенно в XVIII — первой половине XIX века было безгласным и ни в каком виде не участвовало в процессе принятия законов. Однако в ходе реконструкции истории о том, как в Олонецкой губернии в 1820-х гг. произошла замена натуральной обывательской гоньбы денежным сбором, было выяснено, что именно крестьяне своими жалобами и стойким нарушением предписаний законодательства заставили сначала губернскую администрацию во главе с генерал-губернатором, а затем и сенатора-ревизора обратить внимание на крайне разорительный для них натуральный способ исполнения этой земской повинности. В результате губернская администрация совместно с сенатором-ревизором разработала проект особых правил осуществления данной повинности в губернии, а правительство было вынуждено их узаконить. Однако произошло это не вдруг, а путём длительного и настойчивого давления снизу «крестьянских миров».

Ключевые слова: Олонецкая губерния в первой трети XIX в.; земские повинности; обывательская гоньба; крестьяне; архангельские генерал-губернаторы; губернская администрация; сенатор; сенаторская ревизия.

Введение

Не отрицая патерналистский тип отношений между государством и обществом (в т. ч. «крестьянские миры»), активно насаждавшийся «сверху» в Российской империи, под которым понимается, с одной стороны, склонность власти к игнорированию общественного мнения и позиционирование себя единственным субъектом исторического процесса, а с другой — полная пассивность общества и исключение его из сферы принятия решений [26: 377—379], хочется все же заметить, что данное определение не всегда подтверждается практикой.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К.

Как верно заметил Игорь Христофоров, мир крестьян, «замкнутый, непрозрачный, не вполне доступный для понимания, а значит и контроля...» был главной проблемой, с которой на протяжении XIX и начала XX в. пришлось иметь дело «государственной власти и обществу» [28: 18—19]. В дореволюционной научной литературе этот мир или идеализировался или осуждался; в советской — однозначно идеализировался. Современные российские историки, вновь обратившиеся к изучению реальных взаимоотношений государства и крестьянских общин, например, выясняют, что в существовании взяток и подарков чиновникам были ничуть не меньше виноваты крестьяне, нежели чиновники, что в среде самих крестьян они также широко бытовали наряду с прочими злоупотреблениями [24]¹. Но следует задаться вопросом, а чем были вызваны эти явления и в чем состояли эти злоупотребления? Тому есть много объяснений, одно из них — это непродуманность принимаемого законодательства, которое крестьяне посредством этих незаконных действий пытались обойти. Но был и другой способ выражения своего недовольства — это неисполнение закона. В своей статье мы постарались показать на примере Олонецкой губернии, как своей устойчивой практикой осуществления обывательской гоньбы не натурой, как предписывал закон, а денежным сбором, крестьяне в конечном итоге сумели добиться своего.

О терминах

В контексте этой статьи обывательская (земская) гоньба понимается узко, т. е. как обязанность крестьян содержать при земских судах лошадей для проезда чиновников по делам службы. В более широком смысле обывательская гоньба — это подводная повинность, т. е. обязанность жителей губернии предоставлять подводы для нужд государства (например, для перевозки чиновников, воинских команд, казённых тяжестей, арестантов и т. п.).

О методологии

Вероятно, данное исследование следует отнести к локальным или даже микроисторическим, но смещающим, по выражению Л. П. Репиной, «фокус анализа политических институтов в направлении тех переходных звеньев, в которых реализовывалась обратная связь между государством и обществом, а также между макро- и микроструктурами разного уровня» [27: 175—176]. В качестве таких промежуточных «звеньев» у нас выступают органы местного управления, архангельский генерал-губернатор и сенатор.

Источники исследования

Статья написана на основе действовавшего в 1820-х гг. законодательства, регулировавшего несение земских повинностей, представленного в Полном собрании законов Российской империи (далее — ПСЗ) и архивных документах, которые отложились в четырёх архивохранилищах: Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Государственный архив Архангельской области (ГААО) и Национальный архив Республики Карелия (НА РК).

О законах, регулировавших обывательскую гоньбу

В 1805 г. было принято «Предварительное положение о земских повинностях», ставшее первым общим положением, закрепившим возникшие еще в XVIII в., как характеризовал их министр внутренних дел В. П. Кочубей, «разные денежные сборы и работы сверх учреждённых в казну податей по требованию правительства» [цит. по: 25: 164]. И хотя в этом

¹ В своей статье мы привели примеры работ современных исследователей, доказывающих данный тезис.

«Положении» не были конкретизированы виды этих сборов и повинностей, к главным натуральным повинностям традиционно относились постоянная, подводная, дорожная и почтовая. 18 февраля 1808 г. законодатель, исходя из лучших побуждений — устранить двойное обременение обывателей в случае неисполнения подрядов, подтвердил категорический запрет замены натуральных повинностей денежными сборами. С 1816 г., в связи с введением новой классификации земских повинностей, впервые на законодательном уровне была озвучена обязанность казённых крестьян содержать подводы для земских судов. В 1821 г. она была распространена и на помещичьих крестьян. Указом от 30 ноября 1825 г. всем губернским администрациям ещё раз было подтверждено, чтобы они без разрешения Государственного совета не допускали замены натуральных земских повинностей денежными сборами [16]; [17]; [18]; [19]; [20].

Обсуждение

В Национальном архиве Республики Карелии хранится весьма много уголовных дел, возбужденных по поводу как самовольных замен олонецкими крестьянами земских повинностей денежными сборами, так и об «излишне» собираемых с них денежных сборов на земские нужды. Нам только оставалось отобрать из них самые показательные. Остановимся на примере дела «об излишних сборах с крестьян Повенецкого уезда волостными и сельскими старшинами». Как следует из доноса уездного стряпчего Беляева, в 1817—1819 гг. волостные и сельские старшины Пудожгорской волости, Селецкого и Паданского погостов, Ребольской и Ругозерской земских изб собирали излишние сборы на найм рабочих людей для исправления перевозов, гатей и мостов на почтовых трактах, а также на содержание по одной паре обывательских лошадей на четырёх станциях: в г. Пудоже и селениях Габсельге, Остроречье и Лумбуше по «взаимному согласию крестьян без принуждения сельских старшин по вошедшему издавна порядку» (выделено курсивом мною. — В. Е.) из-за невозможности осуществлять эту повинность натурой. Как выяснилось на следствии, начатому в 1819 г., Олонецкое губернское правление, приняв в уважение жалобы крестьян на то, что: 1) «у многих очередных крестьян по бедности их нет лошадей, ни повозок»; 2) селения находятся в отдалении от этих станций и «проезд затруднён реками, озёрами и болотами»; 3) «невозможно соблюсти очередь из-за малочисленности селений», находящихся друг от друга на большом расстоянии; 4) крестьяне часто отлучаются на промыслы, своим постановлением от 7 декабря 1816 г. разрешило им через своих поверенных делать по мировым приговорам найм рабочих людей для ремонтных работ и обывателей, живущих на тракте, за добровольную плату и не считать это подрядом. Но по представлению Правления Сенат своим указом от 30 мая 1817 г. дозволил в Олонецкой губернии, «в уважение обширности и малочисленности населения», лишь найм на ремонтные работы на почтовых трактах, а все остальное предписал производить натурой.

Уголовная палата, приняв в 1822 г. это дело на ревизию из Повенецкого уездного суда, учтя изложенные выше обстоятельства, решила не наказывать никого из крестьян, но оштрафовать 20 рублями земского исправника Малевинского за то, что он не только знал об этих сборах, но допустил делать мирские приговоры без записи их в мирские книги, а также «входил в расчеты крестьян и принимал на себя удовлетворение платою содержателей гоньбы». По поводу же законности решения Олонецкого губернского правления от 7 декабря 1816 г. Палата не сочла себя вправе делать заключение, предоставив это сделать ему самому. В 1824 г. губернатор А. И. Рыхлевский согласился с мнением Палаты и отправил дело на утверждение в Сенат. Последний своим указом от 4 ноября 1826 г. решение Палаты в отношении крестьян утвердил, но отменил штраф с Малевинского, руководствуясь коронационным Манифестом

от 22 августа 1826 г. [14]. Мы выбрали это дело специально, чтобы читателю были более понятны описанные нами ниже решения олонекской губернской администрации и архангельского, вологодского и олонекского (далее — архангельского) генерал-губернатора¹.

В июне 1820 г. генерал-губернатор А. Ф. Клокачев при первом осмотре Олонекской губернии, будучи лично в присутствии Олонекского губернского правления, заявил, что «для проезда чиновников, препровождения колодников и прочего в губернии состоят обывательские станции, на которые... существует сбор, не вошедший в раскладку земской повинности в нарушение облагать сборами без Высочайшего позволения. В Петрозаводском уезде на это с крестьян собирается по 1 руб. 75 коп. с души в год. По другим уездам сказывали, что платят иногда по 2 и по 3 руб. и более с души в год. При том на содержание этих станций допускаются посторонние лица, которые потом сдают крестьянам по меньшим ценам. Это подтверждается множеством жалоб и идущих дел в присутственных местах, не достигающим окончания о незаконных с поселян сборах во всех почти уездах». Генерал-губернатор предложил немедленно оградить крестьян от этих сборов, полагая, что для каждого земского суда довольно будет одной пары лошадей, как в Архангельской губернии с высочайшего утверждения допущено, а все особые обывательские станции уничтожить, т. к. для провоза больших воинских партий «наряжается временно обывательские лошади». Клокачев считал, что сбор этот не только более «отяготителен» для поселян, чем на почтовые станции, т. к. больше его в 2—3 раза, но, как не внесённый в раскладку, может «дать повод к иным злоупотреблениям». При рассмотрении проекта сметы и раскладки земской повинностей на будущее трёхлетие (1821—1823) своим предложением от 21 сентября 1820 г. генерал-губернатор вновь повторил своё требование.

Однако будучи в конце года во второй раз в губернии, А. Ф. Клокачев, осмотрев лично Пудожский уезд и «войдя» в положение его крестьян, которые жаловались ему, что «по обширности уезда и по каменистому грунту трудному проезду», а также «за не имением у многих телег» и частых отлучек не могут участвовать в обывательской гоньбе, в своём предложении Губернскому правлению от 7 декабря 1820 г. позволил иметь им наймом от целого уезда одну пару лошадей при земском суде. В 1822 г. Губернское правление ходатайствовало перед ним о распространении этого права на крестьян всех уездов губернии, объясняя это, прежде всего, заботой о тех крестьянах, которые живут близ трактов, чтобы они не несли постоянно за освобождённых от такой натуральной повинности крестьян отдалённых частей уездов обывательскую гоньбу. Но была сделана существенная оговорка такого допущения: чтобы наймы эти крестьяне производили только между собой и с теми, кто имеет сбрую и телеги, а земским исправникам и сельским старостам «не делать никакого насилия» и принуждения, а лишь наблюдать, чтобы соблюдалась очередь. 9 июля 1822 г. генерал-губернатор согласился [8: л. 263—264, 367, 517]; [9: л. 124—125, 220—244].

Однако при приближении срока рассмотрения очередной земской раскладки на новое трёхлетие (1827—1829) в губернской администрации разразился скандал по поводу обнаруженных незаконных сборов с крестьян Сермяжской волости Лодейнопольского уезда на строительство новой дороги по Архангельскому тракту в счёт уплаты денег за подряд, заключённый с белозерским мещанином Шадриным в противность указов 18 февраля 1808 г. и 30 ноября 1825 г. А т. к. губернатор и вице-губернатор находились в конфликте (впрочем, он и был главной причиной такого повышенного внимания к этому делу. — В. Е.), то в него были вовлечены генерал-губернатор С. И. Миницкий (на стороне губернатора) и министр финансов Е. Ф. Канкрин (на стороне вице-губернатора).

¹ Должность появилась согласно высочайшему рескрипту от 17 марта 1820 г.

В своём предложении от 4 февраля 1826 г. Олонецкому губернскому комитету о земских повинностях губернатор Т. Е. Фан-дер-Флит, заметив по поводу обывательской гоньбы, что «меры, предписанные указом 1808 г. 18 февраля, были безуспешны всегда», предложил разрешить крестьянам исправлять её наймом «без влияния начальства», а также давать земским чиновникам прогонные деньги, чтобы не брали лошадей у крестьян без платежа. Всего по его расчётам выходило на всех членов земских судов прогонных 25 200 рублей. Однако в ходе составления в Губернском комитете нового проекта выяснилось, что предстоят иные большие расходы, и губернатор своим предложением от 19 марта снял своё предложение о выплате прогонов, но не отказался от идеи найма. На очередном заседании Комитета 4—5 июня 1826 г. обсуждалось — во сколько обойдётся найм от каждого уезда одной пары лошадей для выезда членов земских судов, получилось — по 3448 руб. по всей губернии в каждый год. Была составлена смета и раскладка частных повинностей крестьян губернии с учётом найма лошадей [10: л. 353—371, 395—396].

Но вице-губернатор А. И. Нейдгардт доложил министру финансов о своём несогласии с предложениями губернатора от 4 февраля 1826 г. (при этом, правда, не упомянув о его предложении от 19 марта. — В. Е.), а также о нежелании Олонецкого губернского правления проводить расследование по делу о строительстве Архангельской дороги. Е. Ф. Канкрин, в свою очередь, потребовал от генерал-губернатора немедленно провести следствие по всему Лодейнопольскому уезду с целью выявления незаконных сборов. Но как не старался генерал-губернатор в отношении от 5 марта 1826 г. убедить министра в ненужности такого расследования, указывая на то, что, во-первых, посыплются «ябеды со стороны мироедов», а во-вторых, сборы можно проверить по волостным и мирским книгам, он не смог этого сделать и расследование началось [10: л. 133—146].

8 сентября 1826 г. министр финансов вследствие представленных ему от генерал-губернатора первых результатов идущих в Лодейнопольском уезде проверок предложил ему немедленно прекратить все незаконные сборы. В отношении же предположения губернатора Фан-дер-Флита от 4 февраля о допущении найма обывательских лошадей сообщал, что он обратился по этому поводу в Комитет министров, который предписал поступить, как того требует указ от 30 ноября 1825 г.¹, т. е. ждать законного разрешения, и 17 августа государь утвердил это постановление. Во исполнение этого генерал-губернатор Миницкий предложил Олонецкому губернскому комитету о земских повинностях прежде приступления к составлению особой сметы отобрать у крестьян ответы на вопрос — желают ли они исполнять обывательскую гоньбу натурой или наймом? [10: л. 354—359, 508—510].

В конце 1826 г. в Олонецком губернском правлении слушали указ Сената от 16 декабря, в котором излагалось мнение Государственного совета по поводу сметы земских повинностей Олонецкой губернии на трёхлетие с 1827 г., утверждённое императором 14 октября. Из него видно, что в своём представлении в Государственный совет проекта сметы, одобренной генерал-губернатором, министр финансов особо подчеркнул, чтобы обывательские подводы при земских судах по Олонецкой губернии «выставлялись натурой с уравнительностью среди крестьян впредь до приведения в действие тех мер, которые будут разрешены Комитетом министров по особому постановлению Министерства финансов вообще о земской гоньбе по Олонецкой губернии» [10: л. 373—392]. Таким образом, губернской администрации было запрещено допускать денежные сборы для исполнения этой повинности, пока не будут пройдены все установленные бюрократические процедуры.

¹ Уточним, указ позволял «в случае совершенной невозможности исправлять безденежно» какую-либо повинность, представлять особую смету и раскладку и сообщать её министру финансов для внесения в Государственный совет [20].

7 мая 1827 г. Олонецкий губернский комитет о земских повинностях сообщил генерал-губернатору, что приписные крестьяне¹ желают нести повинность лично, а казённые — наймом, поэтому было решено скорректировать сделанную летом 1826 г. смету и раскладку на найм обывательских лошадей [10: л. 508—509, 696—702]. Но привычное течение дел нарушила сенаторская ревизия, которая была спровоцирована доносом олонецкого губернского прокурора Желябужского начальнику III Отделения С. Е. И. В. канцелярии А. Х. Бенкендорфу. Среди представленных «злоупотреблений», происходящих в Олонецкой губернии, фигурировало и такое: «отягощение крестьян Лодейнопольского уезда в 1825 г. сборами на исправление обывательской гоньбы до 6 руб. с души; в Вытегорском уезде по Андомской вотчине собрано на это же до 8070 руб. и в других уездах также». 21 сентября 1827 г. на доклад Бенкендорфа Николай I наложил резолюцию: «назначить сенатора» [7: л. 17, 14].

Уже заканчивая ревизию 3 февраля 1828 г., сенатор Д. О. Баранов предписал новому губернатору П. А. Лачинову «войти в рассуждение об обывательской гоньбе». Заседание было назначено на 6 февраля [11: л. 768—774]. О своих действиях, связанных с расследованием незаконных сборов с крестьян, а также о заседании 6 февраля сенатор донесёт Николаю I несколькими рапортами, но основным был рапорт от 13 февраля 1828 г. Воспроизведём его более подробно.

Сенатор писал: «Повинность сия, как не вошедшая до сего времени в сметы денежных сборов, Государственным советом утверждаться должна и исправляться натурой. Однако крестьяне, не взирая на запреты, повсеместно почти производя между собой денежные сборы и на эти суммы нанимали других. Вообще сборы эти простирались от 2 до 7 руб. с души, смотря по местному положению. Чиновники земские не могли не знать о существовании этих сборов, ибо разъезды эти по делам службы производят на тех самых лошадях, которые нанимались крестьянами у подрядчиков. По спросу крестьян — всё это они делали по собственному желанию без ведома Земской полиции и деньги платили подрядчикам от себя, то всех вообще чиновников обвинять в умышленном сокрытии сего зла будет невозможно». Но виновными, по мнению сенатора, следует считать пудожского земского исправника Болтенкова, правившего должность лодейнопольского земского исправника Ошеметкова, уездного стряпчего Михайлова и вытегорского лесничего Пославского, т. к. все они знали об этих сборах. При этом Ошеметков ещё «доказан в самовольном найме на 1 станцию вместо крестьян подрядчиков и в вынуждении на то сбора»; Пославский — «в принятии участия в ямской гоньбе, получении за неё денег в руки», а также в том, что «в видах корыстолюбия за дорогие цены давал лошадей». Поэтому, сообщал сенатор, он отрешил от должности Болтенкова и Ошеметкова и предал их суду. Михайлов попал под суд уже раньше по предложению генерал-губернатора за другие злоупотребления. Пославский же остался под вопросом — не попадает ли он под Манифест². Кроме того, сенатор отдал под суд и вытегорского мещанина Воробьева, уличённого «в посредничестве между подрядчиками и крестьянами» в 1826—1827 гг., когда наймы по губернии были запрещены. Также были преданы суду все виновные в сборах на обывательскую гоньбу по Вытегорскому уезду. Но, заключал сенатор, «всех сих противозаконных действий не мог я отнести к послаблению Губернского начальства», т. к. к его приезду «уже всё было запрещено и произведено следствие и все преданы суду». Этим заканчивалась «наказательная» часть рапорта.

Далее шла «конструктивная» часть рапорта. Сенатор писал, что он не может «не указать на причины, почему крестьяне собирают противозаконные сборы», а именно: «...крестьяне

¹ Проживали в Петрозаводском уезде.

² Имелся в виду манифест 22 августа 1826 г.

живут в отдалении от станций, у некоторых даже нет лошадей, что сами говорят по карельски и вовсе не способны быть ямщиками, а один доезд до станции обходится им до 25 рублей¹. Этим пользуются «земская полиция, обыватели и сторонние, выводят из того собственные свои расчёты: берут подряды под чужими именами за высокие цены (или передают их с понижением цены). Какие бы на будущее время не предприняты были бы меры к прекращению зла сего, но оно в настоящем положении обывательской гоньбы, более или менее может существовать, ибо меры Правительства будут находиться в беспрестанной противоположности как с возможностями крестьян, так и собственным их желанием».

Поэтому, писал далее сенатор, он и поручил Губернскому комитету о земских повинностях «войти в ближайшее рассмотрение» этой проблемы и Комитет «при личном моем участии признал необходимым допустить по местному положению Олонецкой губернии некоторые из общих правил изъятия и чрез губернатора представлен ко мне проект». Суть проекта можно свести кратко к следующим позициям: «1) в городах и на всех почтовых станциях содержать обывательскую гоньбу наймом от целой губернии (по две пары, а в Петрозаводске — по три); 2) где нет почтовых станций, исправлять гоньбу натурой от селения до селения; 3) т. к. почтовых станций в губернии 54, значит, следует иметь 218 лошадей, что обойдётся примерно в 74 тыс. руб., плюс пособие в 13 тыс. руб. тем селениям, которые подвержены частому проезду и при недостатке населения несут неуравнительную тягость». Сенатор итожил: «Находя, что обывательская гоньба в нём обойдётся вместо сегодняшнего от 2 до 8 рублей в 88 коп. с души и устранится повод к злоупотреблениям, признал я проект основательным и приношу на ваше, государь, рассмотрение...».

На этом рапорте стоит царская маргиналия (карандашом): «спросить Управляющего МВД, что по части обывательской гоньбы сделать полагает?». Царский запрос был переправлен статс-секретарём Н. Н. Муравьевым к В. С. Ланскому уже 18 февраля 1828 г. В министерстве для доклада министра были собраны все решения Олонецкого губернского комитета при составлении сметы на 1827—1829 гг., а также узаконения по этой повинности. В том числе, например, оказались и распространённые на все губернии «Правила», составленные сенатором А. А. Долгоруким, ревизовавшим в 1826 г. Курскую губернию, согласно которым без платежа прогонных предоставлялось ездить на обывательских лошадях только одним чиновникам и членам земских судов, командированным по делам службы. Но «Правила» эти не распространялись на военные команды и препровождение арестантов. Впоследствии они лягут в основу новых «Правил» о подводной повинности, принятых в 1831 г. [2: л. 9—11]; [21].

И хотя мнение Департамента полиции исполнительной МВД по поводу допущения в Олонецкой губернии найма по обывательской гоньбе было отрицательным, министр В. С. Ланской 3 марта 1828 г. решил иначе. Его аргументы были следующими: «...учитывая положение дел в Вятской и Пермской губерниях я не мог не согласиться с мнением сенатора Баранова. Олонецкая губерния подобно прочим северным губерниям — Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской находится на одной широте, как по несоразмерности расстояний с чис-

¹ Уточним: этот довод был взят сенатором из аргументов, представленных на заседании Олонецкого губернского комитета о земских повинностях 6 февраля 1828 г., на котором он сам и присутствовал. Комитет рассуждал: 1) Олонецкая губерния простирается на 11629 кв. верст, заключает в себе крестьян всех наименований 95 373 души и крестьяне живут от станций на расстоянии от 100 до 300 верст. 2) Между селениями нет хороших дорог и сообщение идет зимой на лыжах. Например, крестьяне Петрозаводского уезда Кижской и Толвуйской вотчин живут за Онежским озером, а выставляют на Вытегорский тракт (до него по озеру — 100 верст; летом — в 3 раза более). 3) Жители не имеют летних и зимних повозок и конской сбруи, а также опыта ямщиков, к тому же говорят только по-карельски. Поэтому и подряжают работать за себя других, т. к. доехать до станции и содержать себя там им обходится дороже, нежели сбор на найм. Как мы видим, эти рассуждения практически совпадали с прошениями повенецких крестьян в 1817 г. и пудожских в 1820 г.

лом жителей... не может идти ни в какое сравнение с внутренними губерниями и в ней малоллюдны селения, поэтому не можно содержать без постоянных станций или выставок от смежных селений, т. к. сия смежность часто простирается на 100 вёрст и более, как описывает Олонецкий комитет, поэтому выставка от них натурою отяготительна, вот отчего и нанимают». В заключении министр предлагал предположение сенатора Баранова утвердить, т. к. Олонецкая губерния «по причине особых местностей своих не может подходить ни под одно правило — не следует ли рассмотреть в Государственном совете?». 6 марта статс-секретарь затребовал от министра все существующие постановления об отправлении обывательской гоньбы (в т. ч., например, были и частные постановления по Пермской, Саратовской и Ярославкой губерний. — В. Е.). 11 марта Николай I начертал на докладе министра: «Дело сие передать как ещё без особого начертания в Государственный Совет» [1: л. 14—17, 23—28]; [2: л. 2—21].

В связи с таким мнением министра внутренних дел министр финансов затребовал от генерал-губернатора Миницкого решение Губернского комитета о земских повинностях от 6 февраля 1828 г. Отослав его, Миницкий в своём отношении от 13 апреля 1828 г. к министру внутренних дел решил развить успех и осторожно спросил: «не следует ли Комитету¹ войти будет и в рассуждение о прочих повинностях, которые продолжают отправляться натурою (например, обработка дорожных участков и пр.), о чём я ему и предложил рассмотреть согласно указа 30 ноября 1825 г. и составить сметы с раскладами» [2: л. 28].

Государственный совет на заседаниях 6 апреля и 10 мая 1828 г. рассмотрев проект, представленный сенатором Барановым, одобрил его. 20 июня 1828 г. Николай I утвердил его мнение и оно вошло в ПСЗ под названием «Об установлении денежного сбора на исправление обывательской гоньбы в Олонецкой губернии» [11: л. 784—790, 842—859]; [22]. Судьба же инициативы генерал-губернатора С. И. Миницкого была такой: министр финансов Е. Ф. Канкрин в своём мнении от 17 июля 1828 г. высказался против, т. к. «это совершенно противоречит рескрипту от 18 февраля 1808 г. и положению Комитета министров, высочайше утвержденному 15 ноября 1824 г., коим воспрещены денежные сборы для помянутых повинностей...». С ним согласился и новый министр внутренних дел А. А. Закревский, дополнив, что «крестьяне и сейчас с трудом платят лежащие на них подати и недоимки. Следует местному начальству лишь следить за уравнительным их распределением» [2: л. 48—49, 59].

16 октября 1828 г. к генерал-губернатору были представлены кондиции на содержание обывательских лошадей. 27 октября, представляя их министру внутренних дел, он сопроводил их такой фразой: «следует ожидать опыта, удобнее ли будет и облегчительнее ли для обывателей содержание обывательских подвод наймом по предложенным основаниям» [2: л. 64].

Выводы

Произведённая нами детальная реконструкция истории трансформации в Олонецкой губернии одной из натуральных земских повинностей — обывательской гоньбы — в денежный сбор показала, что инициаторами данной трансформации были крестьяне. Своей устойчивой практикой самовольных замен её несения денежными сборами они заставили губернскую администрацию в 1816 г. пойти на уступки и допустить такие сборы. Однако Сенат предписал вернуться к установленному порядку. Тогда прошения были обращены к генерал-губернатору, который, войдя в положение крестьян, вновь допустил такие сборы. В конце 1826 г. при утверждении раскладки земских повинностей на новое трёхлетие Государственный совет такие наймы в Олонецкой губернии вновь запретил. Однако закон пре-

¹ Имелся в виду Олонецкий губернский комитет о земских повинностях.

доставлял право губернской администрации ходатайствовать об этом по особой процедуре. Губернская администрация, крайне заинтересованная в этот момент в признании губернии отличной от прочих великорусских губерний¹, в 1827 г., воспользовавшись сенаторской ревизией, представила свои доводы о необходимости замены натуральной обывательской гоньбы денежным сбором сенатору. Но, думаем, что этих доводов было бы недостаточно, если бы сенатор лично не убедился в необходимости такой замены в ходе проведения ревизии. Просмотр массы однотипных уголовных преследований крестьян за нарушение действовавшего законодательства в части исполнения обывательской гоньбы и результаты более десятка проведённых под его началом следствий показали, что крестьяне почти во всех уездах губернии постоянно производят найм на обывательскую гоньбу. Разработанный при его участии и представленный им в рапорте от 13 февраля 1828 г. царю проект особых правил несения этой повинности в Олонецкой губернии был в этом же году утверждён. Уверены, что без постоянного «давления «снизу» крестьянских миров путём подачи прошений и жалоб, а также стойким неисполнением закона этого могло и не произойти.

Р. С. Читателю, вероятно, будет интересно узнать, чем закончились уголовные дела, возбужденные по чиновникам и сельским начальникам, отданным губернской администрацией или сенатором под суд за допуск найма на обывательскую гоньбу, сбор на это денег или даже участие в ней. Все эти дела по установленной процедуре дошли до V департамента Сената.

Дело «О противозаконных сборах по Вытегорскому уезду на обывательскую гоньбу» в 1833 г. закончилось следующим решением: 1) т. к. исправление обывательской гоньбы с 1822 по 1825 г. производилось с разрешения генерал-губернатора Клокачева не натурой, а наймом, то тот, кто это делал в это время, не подлежит ответственности²; 2) т. к. с 1826 г. этот найм был запрещён, то с мещанина Матвея Воробьева взыскать деньги в размере 1743 руб. 69 коп., взятых с крестьян Андомской вотчины (за исключение оплаты лицам, производившим гоньбу), и пополнить ими состоящую на этих крестьянах недоимку³; 3) земские чиновники, бывшие при исполнении должностей в 1826—1827 гг., за допущение противозаконных сборов и непринятие решительных мер к их прекращению получили замечания [6].

По делу «о сельских начальниках Вытегорской вотчины», судимых в т. ч. за сбор денег на обывательскую гоньбу по 45 коп. с души, в 1831 г. последовало такое решение: т. к. собирали они эти деньги по согласию крестьян, то выдержать их краткосрочно в городской тюрьме на хлебе и воде [4: л. 494—495].

Решение дела по лодейнопольскому земскому исправнику Ошеметкову и уездному стряпчему Михайлову, т. к. оба были привлечены к ответственности ещё по другим делам, затянулось на много лет и рассматривались в Сенате в 1832 и 1839 гг. Впрочем, вина их в части обвинений, связанных со злоупотреблениями по обывательской гоньбе, была доказана.

¹ В 1826—1827 гг. олонекская губернская администрация предприняла очередную попытку добиться для чиновников, служащих в губернии, льгот, подобных тем, что были предоставлены чиновникам сибирских и кавказской губерний. Любопытно заметить, что среди аргументов фигурировал, например, такой: «склонность к ябедам низкого класса людей» (еще один аргумент, опровергающий пассивность олонекских крестьян!). С этим же администрация обратилась к сенатору Баранову, который поддержал эту инициативу и обратился с соответствующими рапортами к императору [7: л. 149]. 31 октября 1828 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей». Благодаря ему, чиновникам, приезжавшим на службу в Олонецкую губернию, были предоставлены некоторые льготы.

² Лесничий Пославский на конец решения дела уже умер.

³ Так как на момент взыскания — в 1834 г. — Воробьев уже умер, то деньги были взысканы в 1836 г. с его должников.

Ошеметков, перешедший после своего отрешения от должности вновь на военную службу и отличившийся в 1831 г. в действиях «против польских повстанцев», высочайшим повелением был оставлен на службе. На момент озвучивания ему итоговых решений в 1833 и 1839 гг. он продолжал службу в Тверском гарнизонном батальоне. Михайлов же был окончательно уволен от службы без права впредь, как неблагонадежный, определяться к ней. На момент оглашения приговоров проживал в Тихвинском уезде Новгородской губернии [3]; [5: л. 784, 793—795, 807—808]; [12]; [13]; [14: л. 348].

Источники

Неопубликованные

Российский государственный исторический архив

1. О злоупотреблениях по Олонецкой губернии по ревизии оной сенатором Барановым // РГИА. Ф. 1409. Оп. 2 (1827 г.). Д. 5206 (49 л.).
2. По отношению статс-секретаря Муравьева с изъяснением Высочайшего Повеления о доставлении мнения по предмету отправления в Олонецкой губернии гоньбы // РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 (1828 г.). Д. 522 (130 л.).
3. Об уездном стряпчем Михайлове и исправнике Ошеметкове, осужденных за взятие от крестьянина Патракова во взятку 2-х коров. Решено 19 сентября 1830 г. // РГИА. Ф. 1345. Оп. 103 (1830 г.). Д. 191 (216 л.).
4. О сельских начальниках Вытегорской вотчины, судимых за противозаконные сборы с крестьян. Решено 9 марта 1833 г. // РГИА. Ф. 1345. Оп. 104 (1831 г.). Д. 272 (495 л.).
5. О чиновниках Лодейнопольской земской полиции дворянском заседателе А. Ошеметкове, секретаре Гр. Новикове и тит. сов. Михайлове, сужденных за беспорядки и противозаконные действия // РГИА. Ф. 1345. Оп. 105 (1832 г.). Д. 283 (809 л.).
6. Об отправлении в Олонецкой губернии в Вытегорском уезде крестьянами обывательской гоньбы наймом, а не натурой // РГИА. Ф. 1345. Оп. 106 (1833 г.). Д. 486 (580 л.).

Государственный архив Российской Федерации

7. О разных злоупотреблениях по Олонецкой губернии и по просьбе коммерц советника Жербина // ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. Оп. 167 (1827 г.). Д. 123. Л. 1—7, 144—146. (245 л.).

Государственный архив Архангельской губернии

8. Журнал исходящих от архангельского генерал-губернатора бумаг за 1820 г. // ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36 (754 л.).

Национальный архив Республики Карелия

9. Дело о составлении и раскладке на земские повинности // НА РК. Ф. 2. Оп. 41. Д. 2/10 (244 л.).
10. По Комитету о земских повинностях о составлении раскладки с 1826 по 1830 г. // НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 57/566 (401 л.).
11. Дело о незаконных сборах с крестьян Лодейнопольского уезда Сермяжской волости денег на исправление дорог и о выполнении других земских повинностей // НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 56/679 (863 л.).
12. Дело по обвинению лодейнопольского исправника Ошеметкова и уездного стряпчего Михайлова во взяточничестве и незаконных сборах с крестьян. 19 сентября 1827 — 18 декабря 1828 // НА РК. Ф. 656. Оп. 1. Д. 88/1279 (212 л.).
13. Дело по обвинению лодейнопольского земского исправника Ошеметкова и уездного стряпчего Михайлова. Март 1827 — ноябрь 1830 // НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1087 (768 л.).
14. Дело о незаконных сборах с крестьян Лодейнопольского уезда денег на исправление земских повинностей вместо выполнения их натурой. 20 сентября 1828 — 29 мая 1848 // НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 253/2585 (430 л.).

15. Дело об излишних сборах денег с крестьян Повенецкого уезда волостными и сельскими старшинами и о других злоупотреблениях // НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 273/2703 (193 л.).

Опубликованные

16. Предварительное положение о земских повинностях от 2 мая 1805 г. // ПСЗ-1. Т. 28. № 21737.
17. О незаключении впредь подрядов на исправление земских повинностей и об отправлении их натурой. Именной указ, данный Министру внутренних дел от 18 февраля 1808 г. // ПСЗ-1. Т. 30. № 22829.
18. О правилах, постановленных в объяснение Положения 2 мая 1805 года о денежных сборах на исправление земских повинностей. Именной Сенату от 14 июня 1816 г. // ПСЗ-1. Т. 33. № 26316.
19. О возложении содержания подвод при земских судах на селения помещичьи и казенные вместе. Сенатский указ с прописанием Высочайше утверждённого положения Комитета министров от 28 февраля 1821 // ПСЗ-1. Т. 37. № 28567.
20. О нечинении замены деньгами личных повинностей казённых крестьян без разрешения Государственного Совета. Сенатский указ от 30 ноября 1825 г. // ПСЗ-1. Т. 40. № 30595.
21. О распоряжениях в сборах с поселян денег. Сенатский указ от 24 мая 1827 г. // ПСЗ-2. Т. 2. № 1113.
22. Об установлении денежного сбора на исправление обывательской гоньбы в Олонецкой губернии. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 20 июня 1828 г. // ПСЗ-2. Т. 3. № 2102.
23. Об удобнейшем способе отправления подводной повинности для выезда членов Земской Полиции из городов. Высочайше утвержденное 11 ноября 1831 г. мнение Государственного совета // ПСЗ-2. Т. 6. № 4939.

Литература

24. *Ефимова, В. В.* Об отношениях крестьян с органами государственной власти: закон, обычай, практика (на примере Каргопольского и Пудожского уездов в 1820-х гг.) / В. В. Ефимова // Кенозерские чтения — 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек : сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. — Архангельск : тип. ООО «Партнер НП», 2016. — С. 72—82 (Efimova, V. V. Ob otnoshenijah krest'jan s organami gosudarstvennoj vlasti: zakon, obychaj, praktika (na primere Kargopol'skogo i Pudozhskogo uezdov v 1820—h gg.) / V. V. Efimova // Kenozerskie chtenija — 2015. Zapovedannoe Kenozer'e: priroda, kul'tura, chelovek : sb. materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Arhangel'sk : tip. ООО «Partner NP», 2016. — S. 72—82).
25. *Неупокоев, В. И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX в. / В. И. Неупокоев. — Москва : Наука 1987. — 288 с. (Neupokoev, V. I. Gosudarstvennye povinnosti krest'jan Evropejskoj Rossii v konce XVIII — nachale XIX v. / V. I. Neupokoev. — Moskva : Nauka, 1987. — 288 s.).
26. Патернализм // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — Москва : РАН, Институт всеобщей истории, 2014. — С. 377—379 (Paternalizm // Teorija i metodologija istoricheskoj nauki : terminologicheskij slovar' / отв. red. А. О. Chubar'jan. — Moskva : RAN, Institut vseobshhej istorii, 2014. — S. 377—379).
27. *Репина, Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI в.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. — Москва : Кругъ, 2011. — 560 с. (Repina, L. P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX—XXI v.: social'nye teorii i isto-riograficheskaja praktika / L. P. Repina. — Moskva : Krug, 2011.— 560 s.).
28. *Христофоров, И. А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830—1890-е гг.) / И. А. Христофоров. — Москва : Собрание, 2011. — 368 с. (Hristoforov, I. A. Sud'ba reformy. Russkoe krest'janstvo v pravitel'svennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830—1890-e gg.) / I. A. Hristoforov. — Moskva : Sobranie, 2011. — 368 s.).

Victoria Efimova

Petrozavodsk State University, Faculty of Law,
Associate Professor of the Chair of Theory, State and Law History;
Leading researcher of the Office of Scientific Research (SBP 653-14);
Candidate of sciences (PhD) in law

How the traditional societies of the Olonets province — «peasant worlds» — defended their interests in the first third of the 19th century (from the history of one zemstvo duties converting)

Abstract: There is still an opinion that peasants in the Russian Empire – especially during the 18th and the first half of the 19th centuries – were completely voiceless and were never a part of the law-enactment process. However, historical reconstruction of the events which took part in the Olonets province in the 1820s, when passenger transportation duties imposed on the local peasants were replaced by a money tax, revealed that this replacement was the result of the peasants' constant complaints and breach of regulations legislation. Inconvenient and ruinous expenditures connected with organizing and maintaining passenger transportation were brought to the attention of the province administration and Governor-General himself, and then were reported to the senator-inspector. As a result, the administration in cooperation with the senator developed special rules for the enforcement of these transportation duties, which were later enacted by the government. These rules, however, were not legitimized in a day – this process took a long time and required persistent pressure from local peasant communities.

Key words: Olonets province in the first third of the 19th century; local administration duties; passenger transportation duties; peasants; Governor-Generals of Arkhangelsk province; province administration; senator; senatorial inspection